

Случай на приходе

Серый зимний день близился к концу. В храме становилось все меньше посетителей. Те, у кого были вопросы, успешно разрешали их со свечницей, трудившейся на боевом посту как продавец-консультант.

Ответ на очередной вопрос она отчеканивала, как солдат-срочник в строю. Никогда не мешкала с ответом, не утруждала себя заглядыванием в церковный календарь (кроме случаев неясности написания имен в записках). Женщину звали Антонина Петровна. Она была невысокая, коренастая, седеющие волосы прятала под пеструю косынку в мелкий цветочек. Ей было 56 лет, за прилавком она стояла с самого открытия храма, которое состоялось 20 лет назад. Когда возникали нештатные ситуации - она щелкала их как семечки.

Замужем Антонина не была никогда, детей у нее не было, дома ее никто не ждал. Она нисколько не огорчалась этим, даже гордилась: «Всю жизнь отдаю храму!» На своих товарок, облепленных детьми и внуками, погрязших, как она считала, в болоте обыденности, Антонина посматривала свысока. Если бы предложить ей изобразить себя в виде символической фигуры - она выбрала бы нечто среднее между кариатидой и нимфой на носу корабля. Ее место на приходе было важным и почетным, она об этом знала и не давала забыть никому. Уборщицы и хористки перед ней трепетали.

Часы над прилавком, заваленным книгами («все некогда разобрать, - сокрушалась Антонина,- то одно, то другое») показывали всегда одно и то же время-шесть часов. Стекло потускнело, издалека даже цифры разглядеть было нельзя. Но часы не убирали - батюшка не благословлял, он привык к ним. Они висели на стене еще до того, как отец Евстафий стал настоятелем, и будут висеть после - в этом никто не сомневался.

Но сейчас был именно тот момент, наступавший дважды в сутки, когда часы показывали время правильно. Антонина огляделась. Вечерней службы сегодня не было. Можно было бы, заперев ящики прилавка, двинуться домой. Но женщина медлила, словно ждала чего-то.

И дождалась.

Хлопнула входная дверь - и в опустевший храм вошла... нет, прокралась особа, совершенно непохожая на прихожанку и знающая о своей непохожести. Она была - о ужас!- в брюках, в непонятного цвета хламиде, о которую, похоже, вытирали кисти все художники на свете. На непокрытой ее голове торчали во все стороны черно-рыжие космы. Саблевидные ногти на руках сверкали кроваво-красным маникюром.

- Э-э-э, вы куда, гражданка?- окликнула ее Антонина со своего поста.

- А что?- обернулась та.

- Посмотрите, разве вы не видите, что на вешалке юбки висят? А на прилавке платки выложены? Все для вас же! Батюшка старается, чтобы вы прилично выглядели, а вы несетесь сломя голову!

- А в чем мое неприличие?- тихо спросила женщина. Она была задета и не скрывала этого.

- Да вы посмотрите, как люди в церковь ходят! Скромно одеты, неярко, в длинных юбках, женщины в платочках.

- Ну и что? А я не люблю мрачные тона в одежде, - не сдавалась пришедшая.

- Ваше дело, что вы любите и что не любите,- отрезала Антонина.- а в храм будьте добры являться как положено.

- Это кем положено? Женщина тоже начинала понемногу разогреваться. Я Библию читала несколько раз - нигде такого не сказано.

- Да причем тут Библия?!- продавщица перешла уже на крик. Вы - баптистка, что ли? Так и ступайте к своим еретикам! Что они вам там наболтают...

- Да как вы смеете? Кто вы такая? Вас тут поставили свечками торговать - вот и торгуйте. А остальное вас не касается!

- Как это не касается?!- пыхтя, как закипающий самовар, возопила труженица прилавка. Я тут двадцать лет за прилавком стою, а до этого мы эту церковь из руин поднимали! Сами носилки с мусором таскали, руки обрывали, по лесам лазили. По копейке собирали на убранство - тогда еще эта поганая «перестройка» только начиналась - ни прихода, ни этих богатеев спонсоров - пропади они!- не было. Все сами и сами! А вы вот приперлись на готовенькое и еще учите, что касается, что не касается! Фифа пучеглазая! Еретичка!

- Не смейте оскорблять!!!!- взвизгнула посетительница. Лицо ее, как остывающая стальная полоса, прошло все цвета побежалости и остановилось на грязно-сиреновом. Я вашему главному пожалуюсь!

Это был миг высшего торжества доблестной воительницы.

- А жалуйся! Жалуйся! Милости просим! - ехидно отозвалась Антонина.

Особа, однако, не отступила, а направилась к двери в служебное помещение с надписью «Посторонним вход воспрещен».

- Куда-а-а? -завопила продающая. Охрана, скорее! Где вы, лодыри?!

Явился плотный охранник со скучающим выражением лица.

- Гражданка, покиньте храм! - заявил он. Не задерживайтесь.

- Но мне нужен кто у вас тут главный! - запротестовала женщина.

- Главный в храме - это настоятель, у нас отец Евстафий. Он отдыхает. Вы договаривались с ним?

- Нет, - растерянно проговорила особа. А что, надо договариваться?

- А как же! К нему - знаете, сколько народу просится!- воскликнул страж порядка,- то одно, то другое.

- Да-а?- удивленно протянула гостья. А посмотришь - никто не ходит. Только две-три старухи.

- Это вы у нас на службе не были - отозвался собеседник. Народу до самого входа. А в большие праздники - трансляция на улицу. Вот расписание у входа. Посмотрите и приходите, когда вам захочется. Привыкнете - и будете часто ходить. У нас тут все так. Я вот смотрю на вас и вижу: новое лицо. Ну, слава Богу. Как говорится: Мир входящему. У нас тут люди интересные, - оживился он. Композитор есть, иконописец, доктор наук, не помню каких. Историк-этнограф, праздники организует по-старинному. Так со всего города едут, целыми семьями, с детьми, с внуками. Мой внук уже абитуриент, а все равно ходит. У них тут и компания своя, молодые все.

Женщина молча слушала, На ее лице интерес смешивался с недоумением.

- Но как же...как это все у вас? - проговорила, наконец, она. А вот эта за прилавком кричала на меня....

- А вы помните, что не к ней пришли, а к Богу, - внушительно выговорил охранник. Сами ей ничего не говорите, а только помолитесь за нее. Ее зовут Антонина.

- А как молиться?

- Спаси Господи и помилуй рабу Твою Антонину. И свечку поставьте перед иконой Божией Матери.

- Это которая с ребенком на руках?

- Да. Ребенок - Богомладенец Христос.

- Да, да, да, - проговорила в замешательстве пришелица и поспешила к выходу. Ей надо было собраться с мыслями.

- А к настоятелю?- окликнул вдогонку охранник.

- В другой раз. Я должна подготовиться,- скороговоркой пробормотала она. Я приду. Конечно, приду. Спасибо вам.

Она вышла. Дверь за ней захлопнулась. Оказавшись на улице, женщина достала из сумки блокнот, ручку и принялась изучать расписание богослужений.

*Марина Васильева
Январь 2015*